

ТЫНЯНОВ О ГРИБОЕДОВЕ: НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

Публикуется с разрешения автора

(с) Михаил Назаренко, 2006

Тынянов о Грибоедове: наука и литература // Русский язык, литература, культура в школе и вузе (К.). - 2006. - № 4. - С. 17-21.

Оригинал находится здесь: [Страница Михаила Назаренко](#).

Ю. Н. Тынянов был одним из наиболее вдумчивых исследователей творчества А. С. Грибоедова, которого в письме Горькому назвал "самым грустным человеком [18]20-х годов". Достаточно вспомнить такие принципиально важные для нашей филологии научные работы, как монография "Архаисты и Пушкин" (1926), где была по-новому освещена роль Грибоедова в литературной борьбе 1810-20-х гг., и статья "Сюжет "Горя от ума"" (опубл. 1946, посмертно), в которой Тынянов пытался решить проблему соотношения литературы, "литературного быта" и других "ближних" и "дальних рядов" русской истории и культуры. Насколько плодотворным был подход исследователя, свидетельствует то, что много позже Ю. М. Лотман, разрабатывая свою концепцию "бытового поведения", обратился к примеру, который разбирал Тынянов (аудиенции Чаадаева у Александра I), при этом полемика с предшественником была исключительно продуктивной [1]. Задуманная на рубеже 1920-30-х гг. "большая биографическая и историко-литературная работа о Грибоедове" осталась [2] неосуществленной.

Одновременно Тынянов воссоздавал образ Грибоедова в исторических романах "Кюхля" (1925) и "Смерть Вазир-Мухтара" (1927-28). "Первый роман Тынянова был беллетристкой, соседствующей с наукой, второй - беллетристкой, подменяющей науку, третий - беллетристкой, дополняющей науку [...]", по определению М. Л. Гаспарова [3].

В последние десятилетия литературоведы не раз обращались к проблеме соотношения "научного" и "художественного" в *обеих* сферах тыняновского творчества и связанному с нею вопросу об "историчности" исторической прозы Тынянова. Одним из первых об этом написал еще Б. М. Эйхенбаум, а затем работы Г. А. Левинтона, А. С. Немзера, М. Л. Гаспарова значительно углубили наши представления о поэтике Тынянова [4]. Дискуссия, тем не менее, далека от завершения, во многом потому, что не найден адекватный язык описания тыняновских текстов и каждый исследователь рассматривает их сквозь призму своих представлений о литературе и литературоведении. Поэтому глубоко закономерна полемика о том, подтверждает ли статья "Безыменная любовь" построения романа "Пушкин" (Эйхенбаум), или роман убедительнее статьи (Гаспаров), или они представляют собой совершенно различные модусы (Левинтон). Вероятно, сама возможность дискуссии показывает неразрывность научного и художественного текстов.

Покажем это на нескольких примерах, связанных с тыняновскими трактовками образа Грибоедова. Эпиграфом к роману "Смерть Вазир-Мухтара" стало восьмистишие Баратынского:

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так яркий ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев.
Храня движенья вид.

Исследователи обратили внимание на то, что стихотворение "Надпись" не имеет прямого адресата: подзаголовок "А. С. Г." имеется только в одной из рукописных копий. Так уже в эпиграфе задана двойственность, неопределенность, пронизывающая роман, установка на трансформацию исторического, бытового и собственно-литературного материала. Как показал Н. Я. Эйдельман, эпиграф к первой главе продолжает развитие этой линии и доводит ее до предела: письмо Грибоедова Катенину превращено автором в письмо к Булгарину. Ошибка, несомненно, исключена, поскольку в первых изданиях "Вазир-Мухтара" эпиграф был дан на языке оригинала (арабском), что требовало непосредственного обращения к